

АВСТРАЛИЯ И КРЫМСКАЯ ВОЙНА

[Крымская война](#) (1854-1856), разгоревшаяся за тысячи миль от Австралии, война, в которой непосредственно участвовала лишь горстка австралийцев, тем не менее, затронула все слои колониального населения, которое и морально, и материально поддерживало свою метрополию. Эта война оказала сильнейшее влияние на формирование образа России и русских в сознании австралийцев. Никогда прежде австралийские газеты не писали так много о России, никогда прежде русский царизм не подвергался такому массовому осуждению на многотысячных митингах. Война оставила по себе и зримое наследие - карту Австралии и поныне украшает множество российских топонимов, появившихся здесь во время военных действий на другом краю земли, а Форт Денисон, построенный в центре залива Порт-Джексон в годы Крымской войны, стал своего рода символом несостоявшегося развития австралийско-русских отношений.

В то же время, уже с самого начала войны в Австралии не было полного единодушия в ее оценке. Например, любопытная дискуссия развернулась на многолюдном митинге в Сиднее 22 мая 1854 года, вскоре после того, как Австралии достигли сведения о вступлении в войну Англии. Участники митинга уже были готовы поддержать верноподданнический адрес Ее Величеству, выражающий «искреннюю поддержку» и готовность «принять все военные испытания ради защиты великих принципов национальной независимости и мировой цивилизации», когда неожиданно слово взял священник Джон Лэнг, который в своем выступлении заявил, что этот адрес является «полнейшим абсурдом», ничем иным «как фактическим объявлением войны со стороны их ничтожной колонии против целой Российской империи, ... одной из сильнейших стран мира». Лэнг доказывал, что колония, оторванная от всего мира, не должна «никоим образом вмешиваться в конфликты между метрополией и Россией». «Какое нам дело до ссор между Россией, Турцией и Францией?» - вопрошал он своих слушателей. Более того, Лэнг не побоялся посягнуть на самое святое и поставить главный вопрос: «Да и вообще, является ли эта война справедливой войной?», доказывая ревущей от возмущения аудитории, что цель войны в действительности состоит отнюдь не в защите цивилизации и свободы в Европе. Ведь Англия ничего не предприняла, когда царизм жестоко давил свободу в Польше и Венгрии, которые не представляли для нее стратегического интереса, почему же сейчас мы должны защищать Турцию? - убеждал он своих противников. И хотя его выступление вызвало бурю негодования, даже в этот критический момент у него набралась группа сторонников, тех, кто стоял у истоков австралийского национализма, осознавая себя как самостоятельную нацию, а не простой придаток Англии. Не удивительно, что противникам Лэнга, от лица которых выступил известный австралийский политик [Генри Паркс](#), нечего было возразить, кроме: «Да что же, разве мы уже перестали быть англичанами?». Джон Лэнг, «адвокат мира», как насмешливо прозвали его противники, по существу стал духовным отцом и нынешних австралийских пацифистов.

Чувства Лэнга разделял и его современник, известный австралийский поэт [Чарльз Харпур](#), который был убежден, что эта война ведется «в защиту одного деспотизма перед лицом другого». В своем стихотворении «Битва при Инкермане (самая подлинная версия)» он писал, что Франция и Британия, «забыв о Ватерлоо, вступили в союз против единого врага, а зачем, они и сами не знают». Перу Харпура принадлежат и сатирические стихи, посвященные одному из ура-патриотических австралийских митингов. И все же надо сказать, что ни Лэнг, ни Харпур, ни их сторонники не являлись поборниками России. Пафос их выступлений был направлен против лицемерия самого австралийского общества. По мере того, как война принимала все более затяжной, кровопролитный характер, и в Англии, и в колониях нарастало критическое отношение к ней.

Представления австралийцев о России и русских того времени были очень смутными. Влиятельная газета *Sydney Morning Herald* писала в начале войны: «Для большинства наших читателей Российская империя известна только по названию; некоторым она представляется в образе мрачного деспота с кнутом или несчастного ссыльного, дрожащего от холода среди снежной метели... Многие из того, о чем в Англии, пожалуй, нет нужды говорить, уже забыто здешним населением». Формирование представлений о России происходило в годы войны под влиянием нескольких факторов, и, конечно, прежде всего, под влиянием того, что Англия, а, следовательно, и ее австралийские колонии, оказались в состоянии войны с Россией. Этот набор стереотипов не представляет особого интереса, поскольку эпитеты, применявшиеся к русским, вполне можно было бы отнести к любому другому народу, оказавшемуся в данный момент противником. Нагляднее всего это продемонстрировала няня, жившая в семье [Уильяма Денисона](#) (William Denison), в то время губернатора Тасмании. Прежде, браня своего подопечного, непослушного малыша, она называла его «турчонок», с началом же Крымской войны он превратился в «русского». На более высоком уровне газеты говорили о «нечестивом» или «чудовищном» «вторжении» русских, «агрессии сильного против слабого», «русских интригах в Париже и Вене», «русской наглости», изображая Россию как захватчика, прикрывающегося словами о «священной войне». «Россия, наш враг», стало лейтмотивом многочисленных патриотических митингов.

Одновременно появлялись публикации, направленные против существующего в России политического строя. Тон им задавала статья, в которой отмечалось, что предстоящая война будет направлена не против русского народа, а против политической системы, и она зажжет свет освобождения над Россией. В качестве наиболее типичных высказываний этого плана отметим такие клише и характеристики как «тирания и гнет», «северный деспотизм», «деспотичная власть». Русского же царя газеты именовали не иначе как «автократ русских», «московский автократ», «русский деспот», «этот современный бандит, дьявол России» (в последнем случае обыгрывалось имя Николая I, т.к. в английском *Old Nick* используется для наименования дьявола или сатаны). В ряде статей указывалось на прямое влияние царского политического режима на состояние армии: «Русский солдат знает, что он никогда не будет никем иным как крепостным в форменной одежде», «Русская армия страдает от неэффективного интендантства и порочной дисциплинарной системы». Австралийские публицисты и политики неизменно противопоставляли русскому деспотизму «конституционные свободы европейских наций», и, конечно, Англия и ее союзники представлялись поборниками «дела справедливости и гуманизма», ведущие борьбу «в защиту свободы во всей Европе».

И, наконец, в этот период под влиянием военного противостояния пышным цветом расцвели и заполнили страницы австралийской печати этнические стереотипы и предубеждения, создававшие совершенно неадекватный образ русского народа. Определение «варвары» стало одним из самых обычных в применении к русским. Например, на митинге в Сиднее, о котором мы уже говорили выше, в речах ораторов постоянно звучали следующие клише: «орды варваров», «самый варварский народ в Европе», «самый варварский в мире агрессор». Несколько реже фигурировал «Русский медведь». Не столь ходульным, но не менее бездоказательным было утверждение передовой *Sydney Morning Herald* о том, что «у русских, к сожалению, есть догма, которая существует не только в умах их государственных деятелей, но составляет элемент гордости и фанатизма их народа. Они уверены, что их предназначение покорить всю землю и навязать всем свои религиозные истины».

Но надо отдать должное сиднейцам, которые, в ответ на примитивную антирусскую пропаганду, засыпали *Sydney Morning Herald* рядом остроумных шаржей. В одном из них, за подписью «Пенелопы», образ русских «варваров» был доведен до полного гротеска: «Эти ужасные русские с их отвратительными усами и бородами идут, чтобы разрушить наши дома и увести с собой нас, женщин, превратив нас в рабынь, обреченных питаться медвежьим жиром и салом». Иногда русские исследователи ошибочно принимают этот «черный юмор» по-австралийски за чистую монету. В целом же, черная краска в

изображении русских того времени хоть и преобладала, но не была единственной. Внимательный читатель мог встретить крупницы объективной информации, изображающей отдельных русских с симпатией, показывающей героизм русских солдат и моряков. И, тем не менее, несмотря на шутки весельчаков и отдельные попытки объективного подхода к русским, все три группы антирусских представлений: Россия как противник, Россия как страна деспотизма и Россия как земля отвратительных варваров преобладали в умах австралийцев и постоянно подогревались сообщениями с театра военных действий.

Одновременно с первыми сведениями о предстоящем участии Англии в войне (март-апрель 1854 года) австралийцев охватила первая «русская паника», вызванная страхом перед русским вторжением. Страх иноземного вторжения, захвата портовых городов, ставший особенно обоснованным, по мнению австралийцев, после открытия в Австралии золота, прошел через всю австралийскую историю. До Крымской войны тремя наиболее грозными потенциальными противниками австралийцам представлялись Франция, Россия и Америка, причем непосредственно перед Крымской войной Франция и Америка казались более реальным противником, чем Россия. Сила инерции была столь велика, что уже после начала Русско-Турецкой войны австралийские колонии все еще продолжали строить оборонную доктрину, исходя из предполагаемой французской угрозы. Например, Джон Лэнг заявил на митинге, что «Луи Наполеон, Император Франции, в своей крепости на Новой Каледонии является более опасным врагом для [наших] торговли и предпринимательства в Тихом океане, чем любая другая сила в Европе». Не проходил страх австралийцев и перед возможным набегом американских приватиоров (каперов). И, тем не менее, именно угроза русского вторжения вызвала в австралийских колониях настоящую панику.

«Русские страхи» охватывали Австралию не раз на протяжении всей второй половины XIX века - в 1863, 1870, 1882 и 1885 годах. Но первая паника, пережитая австралийцами во время Крымской войны, была, пожалуй, самой сильной и запоминающейся. Какие только формы она не принимала! Некоторые газеты, например, вполне серьезно обсуждали, на какой город - Сидней или Мельбурн - нападут русские и какую форму примет это нападение: разрушение городов, их оккупация или только захват золота в банках, а также кто именно будет осуществлять захват Австралии - буканьеры, приватиры или военно-морской флот. Тот или иной вариант получал предпочтение в связи с передвижением русской эскадры в Тихом океане. Паника охватывала все слои австралийского общества. Дж. Брейлоту, председателю оборонного митинга, грезилось, что «русские эмиссары уже может быть сейчас находятся здесь и видят незащищенность нашей гавани». Жителям побережья по ночам мерещился «русский фрегат или пароход, пришедший за золотом». Временами паника принимала самый причудливый характер - от страхов некоего пьяного из Аделонга, который собирался покончить с собой, так как ему почудилось, что русские уже захватили его в плен, до массовой паники в Мельбурне 7 сентября 1854 года, когда кто-то, услышав взрывы увеселительных хлопушек, закричал «Русские!». Весть мгновенно разнеслась по всему городу, передаваясь из уст в уста, и вскоре отважные отряды добровольцев, вооруженные кто чем, устремились к берегу моря, но, конечно, никого там не обнаружили.



Музей под открытым небом в окрестностях города Балларат (штат Виктория), который носит название Соверен-Хилл. Здесь начиналась в 1851 году [одна из крупнейших в мировой истории](#) золотых лихорадок. Ее пик пришелся на годы Крымской войны. Перед вами доска административных объявлений и афиш. Таким объявлением (фото автора) колониальная администрация известила в 1855 году жителей поселка о падении Севастополя, означавшем конец войны. У многих старателей и членов их семей были в британской армии были братья, отцы или сыновья.

Можно привести еще не один пример страхов австралийцев перед угрозой русского вторжения,—они, например, теперь со страхом припомнили визит русского военного судна *Двина*, зашедшего в Сидней в мае-июне 1853 года, как раз накануне войны, и заподозрили его в шпионаже,—но надо признать, что в австралийском обществе всегда находились и трезвые головы, понимавшие несостоятельность русской угрозы и призывавшие своих сограждан задуматься, каким образом команда русского корабля могла бы практически захватить и удержать австралийский город, как она смогла бы прорваться через многолюдную толпу по улицам незнакомого города к банку, не говоря уж о том огромном расстоянии, которое отделяет Россию от Австралии, и о слабости России в морском отношении, ставшей очевидной в то время. Например, *Sydney Morning Herald* писала:

Действительно, из всех иностранных держав Россия, возможно, представляет для нас, в далекой Австралии, наименьшую угрозу. Мы должны бояться только державу с мощными военно-морскими силами, а в этом отношении Россия ничтожна.

Имела ли в действительности угроза русского вторжения в Австралию какие-либо основания? Писатель [И. А. Гончаров](#), служивший во время Крымской войны на [фрегате Паллада](#) в Тихом океане, казалось бы, подтверждает, что страхи австралийцев имели некоторые основания: «Сколько помню, адмирал и капитан неоднократно решались на отважный набег к берегам Австралии для захвата английских судов, и ... только неуверенность, что наша старая добрая *Паллада* выдержит еще продолжительное плавание от Японии до Австралии, удерживало их, а еще, конечно, и неуверенность, за неимением никаких известий, застать там чужие суда». Петербургский историк Александр Массов первый попытался разобраться в этом на основании материалов Российского государственного архива военно-морского флота. Многолетние исследования позволили ему со всей обоснованностью утверждать, что во время Крымской войны и в последующие десятилетия «никаких конкретных планов нападения на пятый континент не существовало. Ни при обсуждении в Главном морском штабе вариантов действий в акватории Тихого океана в случае начала войны с Англией, ни в соответствующих инструкциях командующим тихоокеанской эскадрой вопрос о каких-либо акциях на австралийском побережье даже не поднимался». Нападение на Австралию было невозможным и из-за ее отдаленности, и из-за отсутствия достаточных ресурсов у русского флота. Поэтому во время военных

действий в задачу русских кораблей входило лишь блокирование торговых путей противника в Тихом океане.

Австралийцы же, между тем, готовились к обороне от русского вторжения. На митингах звучали громогласные выступления, полные похвальбы и пренебрежения к силам русских. «Пусть только русский фрегат сунется в нашу гавань с какими-нибудь агрессивными намерениями, его доски так и останутся тут гнить», грозил Дж. Б. Дарвалл, а сэр Томас Митчелл уверял собравшихся, что «хоть он и стар, но есть еще порох в пороховницах, и он с готовностью пойдет на abordаж русского судна, если оно войдет в гавань. С пикой в руке и с отрядом надежных вооруженных австралийцев за его спиной, он не сомневается в успехе сражения». Но все же в австралийском обществе не было полного единодушия в вопросе об обороне, камнем преткновения стало ее финансирование. Так, некто, скрывшийся за псевдонимом «Очень беззащитный», подошел к вопросу об обороне с классовых позиций, утверждая, что от предполагаемого вторжения пострадают только богатые владельцы золота: «Чем богаче человек, тем ему хуже... А для большинства людей в этой стране почти не имеет значения, французы, русские или турки придут и отправятся в хранилища, наполненные золотом». Упомянутый уже не раз Лэнг подошел к вопросу обороны с другой стороны, требуя большей независимости от метрополии: «Дайте нам ту форму правления, которая нам нужна, и мы сделаем все, что в наших силах, чтобы защитить ее».

Угроза русского вторжения заставила многих австралийцев принять участие в обсуждении оборонных вопросов на страницах газет. Наряду с серьезными предложениями, которые рассматривались затем в парламенте, появился и, если можно так выразиться, «русско-оборонный фольклор». Это была специфически австралийская реакция на «модную русофобию». В письме редактору *Sydney Morning Herald* «Патер фамилис», очередной шутник, трогательно рассказывал, как его «дочь пожаловалась своей мамочке, что она не может спать по ночам, потому что ей снятся русские офицеры», а уже упомянутая нами «Пенелопа» предложила в качестве наилучшей защиты от русских пушек... перины. Пусть, мол, губернатор издаст приказ, и каждый житель Сиднея вывесит перины на шестах вдоль всего побережья залива, пушечные ядра и не пролетят. Иронизировали газеты и над особо патриотичным редактором *Goulburn Herald*, описывая, как он, якобы, со дня на день ожидает появления грозных казаков, прибывших с известием к гоулбернцам, что русский адмирал Нокимдауновский (Knoskymdounpouski - шутники еще не раз прибегнут к замаскированным «русскообразным» фамилиям) уже сидит в Сиднее в Доме правительства и прислал царский «указ» (именно так!) о переселении всех гоулбернцев, во главе с редактором, в сибирские снега. А торговец корзинами начал рекламу своего магазинчика в газете со стихов:

Русские близко! Призыв наш таков:

Встретим мы их как друзей, не врагов;

Зачем убивать их и кушать зачем,

Я лучше баранину местную съем.

Тот будет болван, кто не сделает прибыль

Из русской угрозы, сказать мы могли бы.

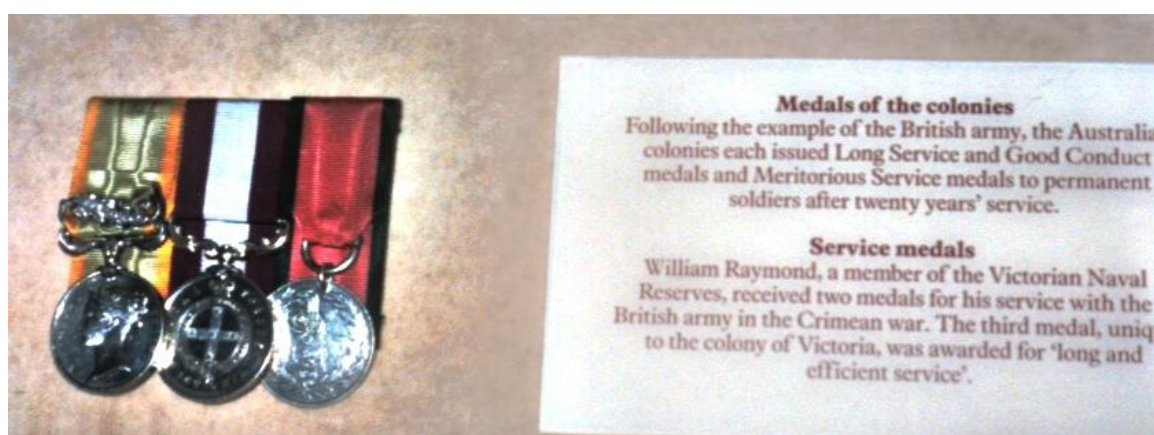
Кончались же эти вирши приглашением в магазин за корзинами.

Трезвомыслящие австралийские политики, пожалуй, не очень отличались от этого торговца. Не поддаваясь ни всеобщей панике, ни бесшабашности, они умело проводили свою оборонную доктрину, с успехом используя именно предубеждения австралийцев в

отношении русских. Например, австралийский политик Уильям Денисон во время Крымской войны писал своему другу Роберту Мерчисону: «Вы смеетесь, и имеете все основания для этого, над паникой, приведшей к тому, что население у нас в колониях озабочено защитой от русских. Я этой панике никогда не поддавался, но занялся обороной Сиднея, чтобы предохраниться от соседей более опасных, чем русские, а именно от наших друзей французов и от наших родственников американцев... Россию же я ничуть не боюсь». И почти одновременно он запрашивал Лондон о вооружении для защиты австралийских колоний от «буканьеров под русским флагом», а Форт Денисон, построенный при нем в центре Порт-Джексона, вошел в историю как форт, построенный именно для защиты от нападения русских и стал символом напрасных страхов австралийцев.

Такие форты «против русских» можно найти по всему побережью Австралии от Кейп-Йорка до Хобарта и от Сиднея до Аделаиды. Как ни странно, но из всего многообразия русско-австралийских контактов в 19 веке большинство австралийцев знают только один аспект - форты против русского вторжения. В то же время историкам давно известно, что в действительности дело обстояло гораздо сложнее. Массовая историческая память австралийцев об оборонных сооружениях против русских, дожившая до нашего времени и закрепленная в туристских буклетах и популярных комментариях, не что иное, как результат умелого воздействия политиков на общественное сознание. На деле же прибрежные форты были частью обычной системы обороны, которую создает каждое государство. Проблема была в финансировании фортификационных работ. Часто они начинались задолго до очередного страха русского вторжения, тянулись многие годы, их финансирование бесконечно обсуждалось в парламенте, но воз не трогался с места. И лишь очередная паника перед «готовящимся русским вторжением» помогала заставить раскошелиться и английских политиков, и простых австралийцев, а форт, конечно, приобретал славу как построенный против русских.

Почему же жупел именно русской угрозы (в отличие от американской или французской) так успешно воздействовал на массовое сознание австралийцев? Здесь сказались влияние не столько реальной угрозы, сколько роль представлений австралийцев о России и русских и негативный образ царизма, подавлявшего свои собственные народы и проводившего экспансионистскую политику на международной арене, и устрашающий геоэтнический образ России - огромной страны, населенной многочисленными полудикими народами, - да и образ самого русского народа, такого отличного от других европейцев и по внешнему облику, и по религии.



Австралиец из штата Виктория Уильям Рэймонд (William Raymond) за участие в Крымской войне был награжден двумя медалями (в том числе, турецкой). Третья медаль - За Долгую и Эффективную Службу (фото автора, Австралийский Военный Мемориал)

В самой войне участвовало, по вполне понятным причинам, очень небольшое количество австралийцев. Некоторые их имена известны из газетных статей того времени: Уильям

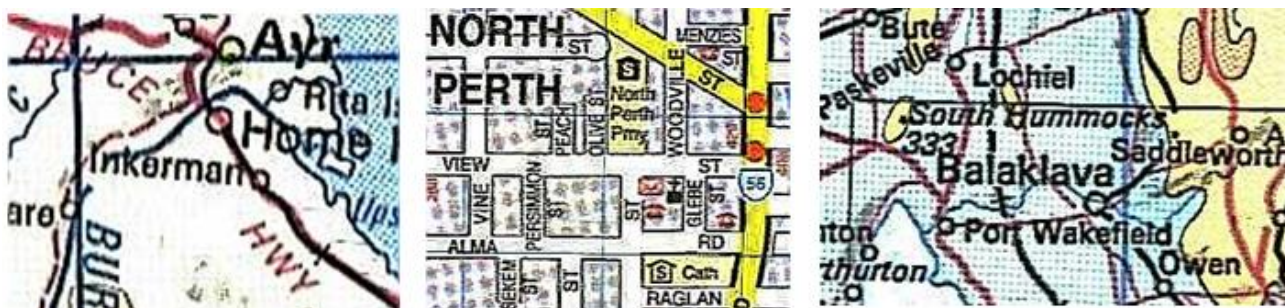
Мориарти, родители которого жили неподалеку от Сиднея; уроженец Сиднея Джон Фелпс – его имя позднее упоминалось среди участников сражения у Рангирири/Rangiriri между британским полком и воинами-маори во время восстания новозеландского племени Ваикато в 1863 году. Журналисты, конечно же, пристально следили за военной судьбой сына губернатора Фитцроя, в свое время помощника отца в Новом Южном Уэльсе. Он был призван в армию в 1853 году. 20 февраля 1855 года газета *Herald* писала о том, что он отличился в самом начале своей военной карьеры, был легко ранен в [сражении при Альме](#), тяжело – [при Инкермане](#). Двадцать первого января 1856 года *Herald* сообщила о его гибели в бою. Еще одно историческое лицо – полковник Джон Ричардсон (позднее произведен в чин генерал-майора), ветеран Крымской Войны. В 48 лет он принял командование над австралийским контингентом из Нового Южного Уэльса, принявшим участие в Англо-Суданской войне (весна 1885 года). Среди австралийских добровольцев в Судане было еще немало ветеранов Крымской войны, но различить среди них уроженцев колоний и иммигрантов из Великобритании не представляется возможным.



*Неизвестный офицер 50-го пехотного полка, базировавшегося в Сиднее в 1866-1869 гг. после несения службы в период военных действий в Новой Зеландии. Знаки на обшлаге рукава и воротнике обозначают капитанский чин, медали на груди офицера свидетельствуют об участии его в Крымской Войне (фото из книги *The Australian Army, Navy and Air Force in Eleven Wars*, 1994)*

Крымская война оставила заметный след в австралийской географии. В годы войны Австралия оказалась буквально охвачена вихрем русских топонимов - географических названий. В Австралии в это время осваивались новые территории, открывались золотые прииски, прокладывались новые улицы в городах. Городки Альма и Балаклава существуют в Южной Австралии, Севастополь - в Новом Южном Уэльсе, озеро Альма в Южной Австралии. Богат на русские названия, связанные с Крымской войной, и Квинсленд: имя Альмы здесь носят не менее восьми городков, гор, речек. Встречаются и Инкерман,

Балаклава, хребет Малахов. Добавим, что крымские названия изобилуют и среди улиц Мельбурна, Сиднея, Перта и многих других городов. Например, восточную часть района Сент-Килда в Мельбурне пересекают три главные магистрали - Балаклава, Инкерман и Альма, а между ними расположены улицы Одесса, Крым, еще две Альмы, Севастополь, Малахов, а также парк Альма. В соседнем районе Колфилд мы вновь находим улицы Севастополь, Малахов, Крым. Подобные скопления русских топонимов есть и в других районах Мельбурна. Некоторые названия городов и улиц носят имена военачальников союзных войск, сражавшихся в Крыму - [Сент-Арно](#) (французский генерал), [Рэглан](#) (главнокомандующий союзными войсками, умерший от холеры во время войны), [Кардиган](#) (командир печально известной [Бригады легкой кавалерии](#), понесшей в безумной атаке тяжелые потери от огня русской артиллерии). Вскоре после Крымской войны английский путешественник Чарлз Дилк обнаружил, что, зная главные события Крымской войны, можно проследить, в какой последовательности шло заселение, например, Виктории. «Сент-Арно—это городок, лежащий между Балларатом и Каслмейном, а Альма расположена около него, в то время как холм Балаклава находится около Балларата, где также есть Рэглан и Севастополь. Инкерман находится недалеко от Каслмейна... а прииск Малахов (окончательно закрыт только в 50-е годы XX века - В.К.), открытый несомненно к концу войны, лежит к северу, в Уимере». Примечательно, что в конце прошлого века в период золотой лихорадки, охватившей Западную Австралию, множество старателей и горняков приехало в новые места из Виктории. Здесь они вновь дали некоторым новым приискам и рудникам «крымские» названиям.



Город Инкерман в штате Квинсленд, Улицы Альма и Рэглан в Перте, штат Западная Австралия, Город Балаклава в штате Южная Австралия

Крымская война оказала огромное воздействие на австралийское общество, причем не только на формирование и практическое осуществление его оборонной доктрины, но и на его политическое самосознание и консолидацию, вызревание идей австралийского национализма, что впоследствии привело к образованию Австралийской Федерации. Что же касается образа России в умах австралийцев, то, увы, почти три года ежедневной антирусской пропаганды мало что добавили к их познаниям, напротив, в это время в сознании австралийцев надолго закрепился устойчивый набор негативных стереотипов, связанных с Россией и русскими. Сто лет спустя эти чувства вспыхнут вновь в годы так называемой Холодной войны.

Е. Говор, Друг мой, враг мой... (Ранние впечатления австралийцев о России и русских), - журнал "Моя Австралия", Сидней, 1999, 2.